

Литература

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. — М. : Русский язык, 2000. — 2310 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. — 28 е изд., перераб. — М. : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2012. — 1376 с.

Узун, С. Д. Не поймите меня правильно / С. Д. Узун. — М. : ЗАО Центрополиграф, 2007. — 268 с.

© Ушаков А.А., 2017

Хроликова В. А. (Екатеринбург, УрГПУ)

Субъектная организация романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению субъектной организации романа в письмах Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1846). Отмечается, что одной из специфических особенностей жанровой природы эпистолярного романа является «выдвинутость» в его художественной структуре субъектной организации, которая несет на себе основную «тяжесть» жанровой конструкции, поскольку все изображаемое дается в свете сознаний пишущих героев. Автор приходит к выводу о несовпадении формально-субъектной и содержательно-субъектной организаций в романе, осложненном включением «записок» героини. Кроме «голосов» пишущих героев, мы слышим «входящие» в письма Макара Девушкина и Вареньки Доброселовой «голоса» не пишущих, но «говорящих» персонажей. Вследствие этого возникает некое многоголосие, позволяющее расширить границы создаваемого жанровыми «механизмами» эпистолярного романа образа мира. Делается вывод о различии в способах изображения внутреннего мира героев-корреспондентов: в то время как Варенька предстает уже сформировавшейся личностью, Девушкин переживает процесс постепенного пробуждения личностного начала («я человек»). Делается вывод о том, что эпистолярная форма романа способствует тонкой передаче душевных переживаний героев.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Бедные люди», эпистолярный роман, жанровая специфика, субъектная организация.

Khrolikova V. A. (Yekaterinburg, USPU)

Subject organization of the F. M. Dostoyevsky's novel "Poor people"

Abstract. Article is devoted to consideration of the subject organization of the epistolary novel of F. M. Dostoyevsky "Poor people" (1846). It is noted that one of specific features of the genre nature of the epistolary novel is "prominence" in its art structure of the subject organization which bears on itself main "weight" of a genre design as everything represented is given in the light of consciousnesses of the writing heroes. The author comes to a conclusion about discrepancy of the formal and subject and substantial and subject organizations in the novel complicated by inclusion of "notes" of the heroine. Except "voices" of the writing heroes, we hear the "voices" "entering" Makar Devushkin and Varenka Dobroselova's letters of not writing, but "speaking" characters. Thereof there is a certain polyphony allowing to expand limits of the epistolary novel of an image of the world created by genre "mechanisms". The conclusion about distinction in ways of the image of inner world of heroes correspondents is drawn: while Varenka appears as already created personality, Devushkin endures process of gradual awakening of the personal beginning ("I am a person"). The conclusion that the epistolary form of the novel promotes thin transfer of sincere experiences of heroes is drawn.

Keywords: F. M. Dostoyevsky, "Poor people", an epistolary novel, genre specificity, subject organization.

О природе эпистолярного романа в литературоведении до сих пор не существует единого мнения. Традиционно под эпистолярным романом понимают жанровую разновидность прозы, использующую эпистолярную форму, иными словами, это не что иное, как роман в форме писем [см., напр.: Крупчанов: 1974: 469; Урнов 1975: 918-920; Муравьев 2001: 1233-1235 и др.]. Однако данное определение не является точным, так как оно не содержит в себе

четкого обозначения специфики эпистолярного романа как особой жанровой разновидности.

Е. Ю. Шер и О. В. Третьякова рассматривают эпистолярный роман как разновидность романа психологического. «Форма письма, – подчеркивает Е. Ю. Шер, – используется чаще всего в исповедальной функции» [Шер 2007: 52]. Герои эпистолярного романа в письмах раскрывают перед реальным (в художественном мире произведения) или потенциальным читателем свою душу, мысли. При этом оказывается, что основной конфликт в эпистолярном романе «обнаруживается не в сфере отношений человека с миром, а внутри самой личности» [Там же: 35].

В своем исследовании Е. Ю. Шер, опираясь на теоретическую модель жанра, предложенную Н. Л. Лейдерманом [см.: Лейдерман: 2010: 17– 143], акцентирует внимание на субъектной организации произведения как важнейшем уровне жанровой структуры произведения, определяющем особенности образа мира в нем.

О. В. Третьякова, развивая идеи Е. Ю. Шер, делает в своем диссертационном исследовании одно существенное уточнение: романом «востребован диалогический потенциал переписки (в произведениях этого жанра обычны не одна, а несколько линий переписки)» [Третьякова 2012 (автореф.): 7], поэтому образ мира в романе представлен отраженным в нескольких сознаниях. Подчеркивая, что эпистолярный роман «строится в форме письменного диалога героев», исследовательница приходит к важному, с нашей точки зрения, выводу: субъектная организация эпистолярного романа характеризуется двухуровневостью, поскольку она «включает в себя не только письма героев - корреспондентов, но и «слово издателя / редактора писем» [Третьякова 2012 (дис.): 21].

Одной из специфических особенностей жанровой природы эпистолярного романа является «выдвинутость» в художественной структуре произведения субъектной организации, которая несет на себе всю «тяжесть» жанровой конструкции; при этом одни герои наделяются статусом пишущих, другие – выступают в роли молчаливых корреспондентов.

В понимании субъектной организации мы исходим из определения, предложенного Б. О. Корманом: «Субъектная организация есть соотнесенность всех отрывков текста, образующих данное

произведение, с субъектами речи – теми, кому приписан текст (формально-субъектная организация), и субъектами сознания – теми, чье сознание выражено в тексте (содержательно-субъектная организация)» [Корман 1977: 508]. Субъектной организации, уточняет Н. Л. Лейдерман, «принадлежит функция руководящего принципа жанровой формы» [Лейдерман 2010: 119]. Для нас важна следующая мысль ученого: разные виды и подвиды субъектной организации «определяют и мотивируют г о р з о н т видения мира в произведении» [Там же: 120. Разрядка автора. – В. Х.].

В эпистолярном романе «Бедные люди» (1846) используется перволичная форма повествования, то есть все изображаемое в произведении дается в восприятии двух героев, отражается в свете их сознаний. Поэтому, прежде всего, необходимо рассмотреть образы персонажей, ведущих переписку, – Макара Алексеевича Девушкина и Варвары Алексеевны Доброселовой.

Новаторством Достоевского является введение в эпистолярный роман в качестве центрального персонажа человека низкого класса. Впервые в русской литературе такой герой обретает собственный голос, становится говорящим субъектом. Достоевский создает образ мелкого чиновника – «маленького человека», ставя перед собой цель «найти брата в униженном и обездоленном» [Кирпотин 1947: 201].

Главные герои романа – Макар Алексеевич Девушкин, чиновник девятого класса, и Варвара Алексеевна Доброселова, молодая девушка, сирота, дальняя родственница Макара Алексеевича. Как отмечает В. Н. Захаров, Достоевский «выбрал героев, которые не в состоянии научить изящным чувствам и высоким мыслям. И заботы у них не романтические, а житейские, бытовые – не как жить, а как *выжить*» [Захаров 1995: 622. Курсив наш. – В. Х.]. Центральной фигурой в романе писатель делает Макара Девушкина, Варенька же является адресатом, подающим реплики.

Тема защиты человеческого достоинства становится организующим стержнем романа [Фридендер 1962: 406]. Девушкин в условиях неустойчивой действительности не теряет своей человечности, всеми силами старается утвердиться, доказать себе и окружающим, что он Человек.

«Маленький человек» Макар Алексеевич не может стать полноправным членом общества, в котором он живет, как бы он того ни хотел. Однако Девушкин, тем не менее, стремится попасть в круг «других» людей – тех, кто, по его мнению, в чем-то преуспел в жизни: это и почитаемый Макаром Алексеевичем «превосходный писатель» Ратазяев, и «его превосходительство», для которого герой «самые важные бумаги» переписывает, и другие персонажи, окружающие его. Как замечает В. Е. Ветловская, «амбиция внушает бедному человеку настойчивое желание доказать себе, что он точно такой как они, что он их не хуже» [Ветловская 1988: 89]. И в то же время «бедный человек хлопочет о том, чтобы ничем от других не отличаться» [Там же: 88], вместо того чтобы сохранять собственную индивидуальность.

По мнению В. Я. Кирпотина, «отсутствие социального признака превращает чувство собственного достоинства Девушкина в болезненную амбицию», что и подтверждают слова самого героя: «... *амбиция* моя мне *дороже всего*» (65) [Здесь и далее цит. по: Достоевский 1972: I (с указанием страниц в тексте статьи). Курсив наш. – В. Х.]. Исследователь считает, что «психологическое содержание жизни Девушкина всецело определяется социальными условиями» [Кирпотин 1947: 207]. Герой многое делает только для того, чтобы о нем плохо не подумали, им руководит мысль «что люди скажут?» (76), которую В. Я. Кирпотин определяет как «вечный кошмар, преследующий Макара Девушкина» [Там же: 208]. Поскольку действительность враждебна по отношению к герою, он находит спасение в одиночестве. Герой оберегает свою жизнь от постороннего глаза, потому что «они», «другие», всюду, а значит, могут осудить героя, поднять на смех.

Вместе с тем определяющим качеством в образе Макара Девушкина является его способность испытывать безмерное сострадание к человеку. Об этом качестве героя свидетельствует письмо от 12 апреля, в котором он с сочувствием пишет о нищем семействе чиновника «без места» Горшкова: «Целая семья бедняков каких-то у нашей хозяйки комнату нанимает» (23); «*Бедны-то они, бедны – господи, бог мой!*»; «*всё сердце надорвалось, и потом всю ночь мысль об этих бедняках меня не покидала*» (24). Такой, казалось бы, простой, психологический нюанс – «сердце надорвалось», но

как много он говорит читателю о Девушкине: герой чувствует печаль, боль других людей, способен к состраданию, воспринимает их горе как свое собственное. Макар Алексеевич принимает сердечное участие также и в судьбе Вареньки, стараясь ей помогать, чем только может: «Мой фрак старый продам и в одной рубашке стану ходить по улицам, а уж вы у нас нуждаться не будете» (56). Готовность Девушкина всего себя «раздать» нуждающимся говорит об альтруистическом начале личности героя, о его способности жертвовать собой во благо ближнего своего.

Именно способность Макара Алексеевича сострадать ближнему приводит его к мысли о несправедливости социального устройства. В том же письме от 5 сентября Девушкин сопоставляет богатую Гороховую улицу («Какие лавки, магазины богатые; всё так и блестит и горит, материя, цветы под стёклами, разные шляпки с лентами») с Фонтанкой, полунищей толпой ее обитателей («... и народ-то как нарочно был с такими страшными, уныние наводящими лицами, пьяные мужики, курносые бабы-чухонки, в сапогах и простоволосые, артельщики, извозчики, наш брат по какой-нибудь надобности...» – 85). Но еще больше волнует сердце Макара Девушкина тот факт, что дети становятся заложниками нищеты, что матери своих «детей полуголых с записками на... холод посылают». Во время прогулки по Гороховой Девушкин замечает такого ребенка – «малютку, мальчика, так себе лет десяти... на вид большой такой, чахленький, в одной рубашонке... чуть ли не босой...» (87), – которого мать отправила на улицу просить подавание. Макара Алексеевича до глубины души трогает увиденное: «*А как было жаль! Мальчик бедненький, посинелый от холода*» (87). Известие о смерти маленького сына Горшкова приводит Макара Алексеевича в расстройство: «У нас в квартире случилось *прежалостное* происшествие, истинно-истинно *жалости достойное!* Сегодня... умер у Горшкова маленький» (50).

Нетрудно заметить, что герою удается подобрать нужные слова не только для описания увиденного («посинелый», «в одной рубашонке»), но и для выражения своих чувств («было жаль», «прежалостное происшествие»). Макар Алексеевич, несмотря на жизненные трудности, способен чувствовать как Человек, в отличие от тех, кто гуляет по Гороховой и посещает богатые магазины. Мир

как бы перевернулся: материально богатые люди духовно оказываются бедны. Возникает закономерный вопрос: так ли «бедны» бедные люди?

Макар Алексеевич со-*переживает* таким же беднякам, как и он, что помогает герою понять не только других, но и себя самого. Девушкин открывает в себе человечность: «... узнал, что и я не хуже других... но все-таки я человек... *сердцем и мыслями я человек*» (82). Согласимся с утверждением В. Я. Кирпотина: «Достоевский показал, что и в скудной жизни, и при недостатке умственного развития и образования не умирает человеческое сердце» [Кирпотин 1947: 203]. Наблюдая за судьбами других людей, герой учится и себя делать объектом таких наблюдений. Именно *человеческое* и становится результатом эволюции Девушкина. Как верно замечает В. Н. Захаров, «Макар Девушкин не только и не столько *начинает чувствовать и мыслить*, как лучшие из лучших, сколько *понимает* то, что дано и открывается только ему одному» [Захаров 1995: 624. Курсив наш. – В. Х.].

Выход из одиночества, «якорь спасения, единственный путь для утверждения своей личности» [Кирпотин 1947: 209], Девушкин находит в любви к Вареньке, связывая свое спасение «с её доверием к нему» [Нечаева 1979: 139]. Варвара Алексеевна становится неким «лучом надежды» для своего «бесценного друга». У Девушкина меняется и отношение к себе: Варенька дала почувствовать Макару Алексеевичу его значимость, его равенство с другими людьми («я не хуже других»).

Чувство Макара Алексеевича к Вареньке имеет множество оттенков: от отеческой любви, любви брата – до чувств возлюбленного друга. Но какие бы оттенки это чувство ни имело, «сутью его является теплое и нежное отношение к Вареньке, отношение к ней как к родной» [Ветловская 1988: 135]. Девушкин покровительствует Доброселовой, хочет быть благодетелем для нее, и такая роль покровителя «льстит его амбиции» [Там же: 136]. Однако какими бы высокими побуждениями ни объяснялась помощь Макара Алексеевича, нельзя отрицать того, что герой относится к Варваре Алексеевне и как к любимой женщине. Однако Варенька с самого начала дает понять Девушкину, что не намерена принимать его ухаживания: «Одних стихов и недостает в письме вашем, Макар

Алексеевич! И ощущения нежные, и мечтания в розовом цвете – все здесь есть!» (18). Чувства героя задеты: «Подшутили вы надо мной, Варвара Алексеевна!». Но тут же он и одергивает себя: «Не пускаться бы на старости лет с клочком волос в амуры и экивоки...» (19).

«Амбиция» Макара Алексеевича страдает не только потому, что его человеческое достоинство часто ставится под сомнение окружающими, но и оттого, что герой не способен полностью реализовать свое чувство к Варваре Алексеевне. Сцена у офицера, сделавшего «недостойное предложение» Вареньке, свидетельствует об уязвленном мужском самолюбии Девушкина: герою не удалось вступить за честь девушки-сироты, потому и «амбиция пострадала».

Варвара Алексеевна покидает Макара Алексеевича, принимая от безысходности предложение своего обидчика помещика Быкова, решившего таким образом «возвратить ей честь»: «Если кто и может избавить меня от моего позора, возвратить мне честное имя, отвратить от меня бедность, лишения и несчастья в будущем, так это единственно он» (101), – с горечью говорит она. Но и Варенька, и Девушкин понимают, что в браке с Быковым она не будет счастлива. Отсюда и бурная реакция Макара Алексеевича: «Как же вы, маточка, что вы! ведь вам нельзя теперь ехать... *сердечку*-то вашему будет *холодно!*» (102). В том, что «сердечку... будет холодно», герой и видит главное несчастье своего «бесценного друга» Вареньки. Душевной болью и отчаянием пронизано «последнее письмо» Макара Алексеевича, письмо без обращения, без подписи, не рассчитанное на ответ. Здесь Девушкин говорит не столько о Вареньке, сколько о себе самом, исповедуясь перед ней: «Я вас, как свет господень, любил, как дочку родную любил, я всё в вас любил, маточка, родная моя! И сам для вас только жил одних!» (107).

Образ Вареньки Доброселовой, по утверждению В. В. Виноградова, попал в роман «почти в готовом виде» «из арсенала сентиментальной поэтики» [Виноградов 1976: 165]. Интересы молодой девушки ограничиваются жизнью своего друга, собственными заботами и воспоминаниями о прошлом. Героиня, по мнению ученого, введена в роман, «чтобы вызывать изменение оттенков эмоционального фона в письмах Девушкина», она дополняет образ Макара

Алексеевича [см.: Виноградов 1976: 163]. Не случайно роман открывается письмом Макара Алексеевича, вследствие чего образ героя выдвигается на первый план: читатель начинает следить за мыслями героя, за тем, как раскрывается его характер. Роль же Вареньки сводится к комментированию писем Девушкина, порой она направляет мысль своего друга в нужную сторону.

Иначе раскрывается в романе образ Вареньки в ее собственных записках. Как верно замечает Г. К. Щенников, «Варенька раскрывается в романе... не столько в письмах, сколько в дневниковых “записках”» [Щенников 2008]. Таким образом, в романе представлены два способа самовыражения личности: письмо, ориентированное на другое, «чужое» сознание, и «записки» – воспоминания о прошлом в форме дневника (то есть изначально адресованного его автором «самому себе»), а, следовательно, предполагающие большую степень исповедальности. Согласимся в этой связи с наблюдением О. О. Рогинской: «Для героини со *сформировавшимся* слогом, с уже определенными, четко очерченными границами своего “я” самореализация именно в *жанре записок* оказывается наиболее адекватной. В то же время обращение к *жанру письма*, к переписке является закономерным для типа героя со слогом еще *не сформировавшимся*» [Рогинская 2002: 145. Курсив наш. – В. Х.]. Речь, стало быть, идет о двух типах сознаний героев: только формирующегося (в процессе переписки) у Девушкина («у меня и слог теперь формируется») и уже сформировавшегося «слога» – сознания Вареньки.

Несмотря на то, что в переписку ведут только два человека, можно говорить о том, что система образов в романе сложнее, чем может показать на первый взгляд. Так, в романе существует система двойников. У Макара Алексеевича имеются «неполные копии в лице Горшкова и Покровского» [Виноградов 1976: 169]. К образу Вареньки примыкают второстепенные, «закулисные» персонажи: ее сестра Саша, которая следует за Варенькой словно тень, и мать Покровского (последняя, полагает В. В. Виноградов, выступает в качестве ранней жертвы сводни Анны Федоровны). Образы Саши и матери Покровского являются своеобразными «проекциями» образа Вареньки. Соотнося судьбы этих героинь с будущей судьбой Вареньки, читатель уже заранее подготовлен к тому, что в итоге мо-

жет случиться с ней. В свете трагического описания жизни семьи Горшковых прогнозируется и возможное будущее Макара Алексеича и Вареньки в случае их соединения. Такой прием группировки образов позволяет, с одной стороны, острее концентрировать внимание на главных действующих лицах романа, а с другой стороны, подчеркивает типичность судеб «бедных людей» в несправедливом мире.

В структуре романа статусом «пишущих» героев наделяются только Макар Алексеич и Варвара Алексеевна. В процессе переписки происходит взаимоотражение сознаний героев, что обусловлено диалогическим потенциалом писем. В корреспонденции каждого героя проникают слова из предыдущих писем собеседника. Речь Вареньки включается в письма Макара Алексеича: «*Пишите вы* мне, родная моя, что я человек добрый...» (46); или: «Деточка вы моя, хорошенькая! Да что это *вы там толкуете* про четыре рубашечки-то» (49). Речь Девушкина также включается в письма Вареньки: «Да и деньги у вас есть; *вы сами говорите*, что есть» (48); «... что *вы там ни говорите*, как ни рассчитывайте свои доходы... но от меня не утаите и не скроете ничего» (18).

Чутко реагируют герои и на малейшие эмоциональные перемены в состоянии друг друга, которые отражаются в письмах. Так, Варвара Алексеевна почувствовала, что обидела Девушкина: «Я же полагала, что вы сами в своем письме хотели посмеяться. Мне ужасно грустно стало, когда я увидела, что *вы недовольны мною*» (21). Или, например, после своего «дебоса» Макар Алексеич пишет: «Чувствую, что я виноват, чувствую, что я провинился перед вами...» (81). Использование эпистолярной формы помогает автору с наибольшей полнотой раскрыть внутренний мир героев, показать малейшие колебания их настроений.

В письмах героев также можно услышать и «голоса» героев не пишущих. Описывая свою жизнь в «уголке», Девушкин вводит сообщение о разговоре с соседом, карточным игроком мичманом, который ему «все *рассказал*: про батюшку, про матушку» и «*обещал* во всем покровительствовать» (23). Когда герой оправдывается за сделанный Вареньке подарок, он вспоминает слова Федоры: «А что Федора вам *наказала* на меня, так это все вздор...» (25), – и тут же – «Кто это *говорит* вам, что я похудел?» (26). Благодаря

письмам Макара Алексеевича читатель слышит «голоса» множества второстепенных персонажей. С точностью Девушкин цитирует слова Горшкова, когда последний пришел к герою просить деньги: «... он меня *прервал*: “Я, дескать, всех боюсь здесь...”» (89); «“Батюшка, Макар Алексеевич”, – *говорит* он мне...”» (90). Служивцы Девушкина также не остаются «молчаливыми» персонажами: «Степан Карлович сегодня *начал* было по делу со мной *говорить, говорил-говорил*, да как будто невзначай *добавил*: “Эх вы, батюшка Макар Алексеевич!”» (69). Голос литератора Ратазиева, на которого Девушкин старается равняться, также слышится в словах главного героя: «А вот обещался мне Ратазиев дать почитать чего-нибудь *настоящего литературного*» (51):

В корреспонденциях Вареньки «голосов» героев не пишущих гораздо меньше, что объясняется крайне ограниченным кругом общения девушки. Частотны в письмах Варвары Алексеевны упоминания разговоров с Федорой: «Федора *говорит*, что продается у ее знакомого какой-то вицмундир...» (48); «Федора *говорит*, что если я захочу, то некоторые люди с удовольствием примут участие в моем положении и выхлопочут мне очень хорошее место в один дом, в гувернантки» (54). Встреча Федоры с Быковым представлена отраженной в двух разных сознаниях: первое – в восприятии самой Федоры; второе – в сознании Вареньки – как она восприняла рассказанное Федорой и как написала об этом Макару Алексеевичу: «Он [Быков – В. Х.]... подошел сам к Федоре и *стал наведывать*ся, где она живет. Та сначала не сказывала. Потом *он сказал*, что знает... Тогда Федора не вытерпела и *стала* его *упрекать*, сказала ему, что он человек безнравственный... *Он отвечал*, что когда гроша нет, так, разумеется, человек несчастлив» (96). В процессе развития событий в письма Варвары Алексеевны проникают и другие «голоса»: Анны Федоровны – «Она [Анна Федоровна – В. Х.] *говорит*, что хочет простить меня...» (24); Быкова – «господин Быков *сказал*, что у меня непременно должно быть на три дюжины рубашек голландского полотна» (102). Новые «голоса», помимо уже упомянутых Анны Федоровны и негодяя Быкова, появляются в записках Варвары Алексеевны: ее родителей, Покровских (старика и сына).

Как видим, формально-субъектная организация романа не совпадает с содержательно-субъектной. «Бедные люди» представляют собой переписку двух героев – Девушкина и Вареньки Доброселовой. Однако, кроме этих двух «голосов», мы слышим «голоса» и персонажей не пишущих, чьи слова, фразы входят в письма героев-корреспондентов, вследствие чего возникает некое многоголосие, что позволяет расширить границы создаваемого жанровыми «механизмами» романа образа мира.

Центральным образом романа «Бедные люди», как уже отмечалось, является Макар Алексеевич Девушкин, с которым неразрывно связана идея гуманного отношения к людям, идея сохранения в человеке *Человека*. Читая письма героя, мы видим, как он меняется: униженный и кроткий титулярный советник, чиновник девятого класса в начале романа и тонко чувствующий, *со-переживающий* Человек в финале. Собеседник главного героя Варенька, в отличие от Макара Девушкина, – образ статичный, неизменный. Варвара Доброселова только комментирует происходящее, становится тем «светом», к которому тянется Макар Алексеевич.

Эпистолярная форма романа способствует тонкой передаче душевных переживаний героев, едва заметной перемены в их чувствах и настроениях. Диалогический характер переписки позволяет увидеть, как взаимоотражаются сознания Вареньки и Макара Алексеевича, раскрываясь навстречу друг другу.

Система двойников помогает наиболее полно раскрыть характеры главных героев. Наделение «голосом» персонажей не пишущих позволяет автору расширить границы романа: за перепиской двух героев возникает мир «бедных людей» как наглядное выражение несправедливого социального мироустройства.

Литература

Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» : Монография. Л. : Худож. лит., 1988. 208 с.

Виноградов В. В. Эволюция русского натурализма : (Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов) // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы : Избранные труды. М. : Наука, 1976. С. 141—187.

Достоевский Ф. М. Бедные люди // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1972. Т. 1. С. 13–109.

Захаров В. Н. Дебют гения // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 15 т. Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. Т. 1. С. 609 – 637.

Кирпотин В. Я. Молодой Достоевский. М. : ОГИЗ ГИХЛ, 1947. 405 с.

Корман Б. О. О целостности художественного произведения // Известия Академии наук СССР. М. : Наука, 1977. Т. 36. № 6. С. 508–513.

Крупчанов Л. Эпистолярная форма // Словарь литературоведческих терминов. М. : Просвещение, 1974. С. 469.

Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Исследования и разборы / Ин-т филол. исследований и образоват. стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. 904 с.

Муравьев В. С. Эпистолярная литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М. : Интелвак, 2001. Стлб. 1233–1235.

Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М. : Наука, 1979. 287 с.

Рогинская О. О. Эпистолярный роман : поэтика жанра и его трансформация в русской литературе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 240 с.

Третьякова О. В. Феномен «роман в письмах» в русской литературе XVIII – первой трети XIX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012. 19 с.

Третьякова О. В. Феномен «роман в письмах» в русской литературе XVIII – первой трети XIX веков : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012. 215 с.

Урнов Д. М. Эпистолярная литература // Краткая литературная энциклопедия. М. : Сов. энциклопедия, 1975. Т. 8. С. 918–920.

Фридлиндер. Г. М. «Бедные люди» // История русского романа : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1. С. 403–415.

Шер Е. Ю. «Последний Колонна» В. К. Кюхельбекера : реализация замысла романа в письмах : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 205 с.

Щенников Г. К. Белые ночи // Достоевский : Сочинения, письма, документы : Словарь-справочник. СПб., 2008. URL: www.fedordostoevsky.ru (дата обращения: 06.02.2017).

© Хроликова В.А., 2017

Черепанова С. Н. (Екатеринбург, УрГПУ)

«Камышев-Зиновьев» – «лишний человек», «герой своего времени» ?.. («Драма на охоте» А. П. Чехова)

Аннотация. Опираясь на накопленный литературоведческий опыт изучения преемственности А. П. Чеховым предшествующих традиций русской литературы, автор работы рассматривает проблему пародийного переосмысления писателем классических типов героев. Писатель переосмысляет литературную традицию, чтобы выразить свою оценку нравственного фундамента общества рубежа веков.

Ключевые слова: русская литература, А. П. Чехов, «Драма на охоте», традиция, «лишний человек», «герой своего времени».

Cherepanova S. N. (Yekaterinburg, USPU)

"Kamishhev-Zinov'ev" – the "superfluous man", "hero of his time"? ("Drama on the hunt" by A. P. Chekhov)

Abstract: Based on accumulated experience of literary study of the continuity of A. P. Chekhov earlier traditions of Russian literature, the author considers the problem of rethinking the parody writer of the classic types of heroes. The writer reinterprets the literary tradition in order to express his assessment of the moral foundation of the society at the turn of the century.

Keywords: Russian literature, A.P. Chekhov, «A Hunting Drama», tradition, the superfluous man, the hero of his time.

В отечественном литературоведении давно сложилась традиция выделения типов героев русской литературы. Так, устойчивыми понятиями стали такие определения, как тип «маленького человека», «лишний человек», «герой своего времени», «тургеневская